

К читателю

В очередном номере «Тетрадей по консерватизму» продолжено систематическое исследование отечественной консервативной традиции, насчитывающей более двух столетий.

Прежде всего предприняты попытки выявления тех не всегда очевидных смыслов, которые включает в себя само понятие «консерватизм». Будучи одной из трех основных (можно даже сказать, подражая К. Ясперсу, – «осевых») идеологий Модерна, консерватизм в наименьшей степени точен в самоопределении по сравнению с двумя другими своими партнерами и конкурентами – либерализмом и социализмом. И даже более: консерватизм, как справедливо отмечал С. Хантингтон, в принципе не имеет единой универсальной традиции, распадаясь на множество национальных школ и ответвлений. Именно поэтому так важно выявить и зафиксировать те базовые консервативные смыслы, которые изначально несли в себе отечественная консервативная традиция и которые продолжают оставаться актуальными до сих пор. Преемственность и разрывы в этой традиции образуют ее живую, драматичную (как в идейном, так и в персональном смысле) историю, фундаментальное изучение которой продолжает оставаться одной из самых насущных задач российской исторической и политической науки. А также истории русской философии.

В связи с этим крайне важным также представляется рассмотрение такой весьма значимой для российского культурно-политического контекста темы, как «Консерваторы и власть». По некоей негласной презумпции считается, что в России всегда имел место своего рода властно-консервативный «симбиоз». Что «власть» (особенно в лице монархов) сама по себе являлась ведущей консервативной силой. И что родовым признаком российского консерватизма поэтому является апологетическая поддержка любой наличной власти. В таком примитивном представлении базовая «истина» консерватизма, состоящая в том, что он всегда выступает за сохранение наличных институтов и против их радикальной смены, оборачивается ненамеренной «ложью».

В постпетровской России, устремившейся в погоню за постоянно уходящим вперед «Западом», задача власти нередко воспринималась самой властью как необходимость радикального реформирования (модернизации). Так было в первый период царствования Александра I, который поручил М.М. Сперанскому проведение комплексной административно-политической и социально-экономической реформы. Так было в царствование Александра II, отменившего не только крепостное право, но и, по сути, весь предыдущий николаевский порядок. Так было и в царствование последнего российского императора, Октябрьский манифест которого превратил самодержавную Россию во вполне современную парламентскую монархию.



Подобное скачкообразное историческое движение России в период с 1810 (год учреждения Государственного Совета) по 1917 год предопределило фундаментальную проблему отечественного консерватизма – его двойственное отношение с властью. Восприятие самодержавия как ключевой опоры России в качестве уникальной и суверенной цивилизации (самодержавие – «Палладиум России», по выражению Н.М. Карамзина), с одной стороны. А с другой – необходимость принятия таких радикальных реформ, инициированных самой властью, которые подрывали ее же опорный статус.

В рамках этой мучительной антиномии и проходил интереснейший и до сих пор малоисследованный поиск российскими консерваторами собственной идентичности в условном партийно-идеологическом пространстве. Данный аспект изучения нашей консервативной традиции представляется особенно важным в том отношении, что в исторической, историографической и историко-философской литературе по теме довольно часто и некритически проводится отождествление «консерватизма» со всем «правым» флангом российского политико-идеологического спектра. В очередном номере «Тетрадей» читатель найдет статьи, в которых рассмотрены сложные, неоднозначные взаимоотношения консервативных мыслителей с представителями российских правых и крайне правых идеологических течений. А также анализируются поиски в направлении своеобразного либерально-консервативного синтеза.

Этот последний аспект представляется особенно значимым в том отношении, что поиск собственной идентичности – процесс, который в тех или иных превращенных формах продолжается в течение всего второго столетия истории отечественного консерватизма. В номере, который читатель держит в руках, предпринята попытка восстановить некоторые особенности этого процесса, имевшего место в «позднем» СССР. Надеюсь, это – лишь начало исследования сложного феномена, доскональное изучение которого помогло бы преодолеть многие стереотипы, сложившиеся в годы «перестройки» в отношении так называемых консерваторов в КПСС.

Разумеется, весьма востребованным остается и такое направление изучения отечественной консервативной традиции, как наследие первой русской эмиграции. Знаменитый (обобщенно говоря) «философский пароход» спас сокровищницу русской мысли, позволив на чужбине полноценно раскрыться таким классикам отечественного консерватизма, как И.А. Ильин, С.Л. Франк, П.Б. Струве, Б.В. Вышеславцев, П.И. Новгородцев. В острой, принципиальной полемике с представителями национал-большевизма и евразийства они, как и органично интегрированный в консервативную парадигму Н.А. Бердяев, подвергли глубокой рефлексии предшествующий опыт русского консерватизма и задали для него новые перспективы. Которые всё еще предстоит осваивать как современным российским консерваторам, так и всем тем, кто числит себя преемником отечественного духовного наследия.

И потому этот номер «Тетрадей по консерватизму» следует считать лишь этапом на большом пути творческой реставрации отечественного консервативного наследия. Того духовного фундамента, без которого немислим современный российский консерватизм, востребованный в том числе и за пределами России.